

ПЕПЕЛ ЭДЕМА

Максим Байтович

18+

Максим Байтович
Пепел Эдема

«Автор»

2026

Байтович М.

Пепел Эдема / М. Байтович — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, двадцать пять лет после Катастрофы. Небо скрыто пеплом, по мёртвым улицам бродят Бесцветные — люди, потерявшие души. Выжившие прячутся в метро, но спасение призрачно: из глубин поднимается Пение, и тот, кто слышит его слишком долго, уходит во тьму навсегда. Егор — слухач. Его уши — единственное, что защищает станцию от угрозы. Но он особенный: внутри него пустота. Он не чувствует страха, боли, любви. Пока не понимает: эта пустота — ключ. Ключ к Эрмитажу, где в запертых залах оживают картины, а Первый Голос говорит с теми, кто способен слушать. Когда его младшая сестра начинает каменеть, а Пение зовёт её во тьму, Егор принимает решение, от которого отступится любой. Ему придётся пересечь мёртвый город, встретить тех, кто поклоняется Эху, и узнать цену, которую требует спасение. Потому что в этом мире ничто не даётся даром. Даже любовь. Даже надежда. «Пепел Эдема» — мрачный, атмосферный роман в духе «Метро 2033», где постапокалипсис — не только борьба за жизнь, но и ..

© Байтович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Слухач	8
Глава 2. Верхний мир	16
Глава 3. Эхо	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пепел Эдема

Пролог

«Последний холст»

Васильевский остров, Санкт-Петербург.
За шестнадцать минут до конца.

Он знал, что не успеет.

Рука дрожала, и тонкая кисть из колонка выскальзывала из пальцев, как мокрая рыба. Из окна мастерской на пятом этаже старого доходного дома тянуло гарью, но не той, что бывает от костра или печки. Пахло палёной изоляцией, битым кирпичом и почему-то — сладковато, приторно — жжёным сахаром.

Небо за окном перестало быть небом.

Оно лежало на городе, как серое ватное одеяло, тяжелое, шевелящееся. В нём вспыхивали и гасли беззвучные зарницы. Они не освещали, а наоборот — высасывали свет.

Андрей Ильич не помнил, сколько ему лет. Кажется, шестьдесят четыре. Или шестьдесят пять. Всё, что у него было, — этот холст, эта краска и этот звук.

Звук.

Низкий, утробный гул шёл не снаружи, а откуда-то из-под земли. Будто сам город — весь этот каменный, вросший в болото исполин — наконец застонал от боли. Люди на улице уже не кричали. Кричать было некому. Только ветер гонял по мостовой чьи-то бумаги.

Андрей Ильич работал.

Он делал это не потому, что верил в спасение. И не потому, что хотел оставить след. Он работал, потому что был художником. А художник пишет, пока видит. Даже если видит конец.

Холст был уже почти готов. Он писал его шесть лет. Слои за слоями, лессировка за лессировкой. Пейзаж? Нет, не пейзаж. Скорее, попытка удержать то, что ускользало. Там, на холсте, был город. Но не тот, что за окном, а другой — залитый низким янтарным солнцем, с мокрыми гранитными набережными, с отражениями фонарей в чёрной воде каналов, с криками чаек.

Город, который он помнил.

Город, который он любил.

Город, которого больше не было уже в эту самую секунду.

Стены вздрогнули. С потолка посыпалась штукатурка, серым порошком оседая на палитру. Андрей Ильич не обернулся. Он выдавил на стекло немного синей краски. Кобальт. Или ультрамарин? Он уже не различал. Зрение плыло.

Где-то вдалеке, со стороны залива, что-то рухнуло. Тяжело, как падает на пол мокрое пальто. Потом ещё раз. И ещё.

Он кивнул сам себе.

— Да, — сказал он вслух. Голос был сухой, как осенний лист. — Да, пусть так.

Он думал о том, что краска — это тоже пыль. Просто очень мелкая, очень красивая пыль. И человек, который трёт камень о камень, получает порошок, а потом смешивает его с маслом, чтобы обмануть смерть. Но смерть всегда рядом. Она в этом гуле, в этом ветре, в этой падающей за окном тени.

Он обмакнул кисть.

И тут случилось странное.

Рука перестала дрожать. Не потому, что вернулись силы. Просто всё тело вдруг стало лёгким, как полый стебель. Он понял, что умирает. Не от радиации — она ещё не успела дойти. А от самого ужаса. Сердце, много лет работавшее как часы, вдруг сбилось с ритма.

— Нет, — прошептал он. — Не сейчас.

Он должен закончить.

Он не знал, кому говорит. Может, Богу. Может, холсту. Может, самому себе.

Зарница за окном полыхнула так близко, что на мгновение мастерская стала белой, как негатив. Андрей Ильич зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел, что краски на палитре светятся. Слабо, едва заметно. Будто в них попала какая-то дрянь из воздуха.

Времени не было.

Он ткнул кистью в холст, не выбирая цвета. Провёл линию. Ещё одну. И ещё.

Это не было рисунком. Это был крик. Жест. Он втирал краску в холст пальцами, рвал ворс, царапал поверхность ногтями. Синий смешивался с серым, серый — с красным.

Потом он остановился.

В дверь никто не стучал. Но он знал, что сзади кто-то стоит.

Он повернулся. В комнате никого не было. Только пыль, кружащаяся в столбах тусклого света. Но ощущение чужого присутствия было таким плотным, что он не мог дышать.

— Ты кто? — спросил Андрей Ильич.

Ответа не было.

Тогда он перевёл взгляд на холст.

И увидел.

На картине стоял человек. Маленькая тёмная фигурка на набережной. Он не рисовал её. Или рисовал? Но фигурка дышала. Грудь её поднималась и опускалась. Она смотрела на воду. Вода на картине шла рябью.

Художник засмеялся. Тихо, надтреснуто. Это был смех безумца или святого.

— Значит, вот как...

Он снова повернулся к окну. Небо исчезло. Небо стало землёй, а земля — небом. Всё смешалось. И в этом последнем хаосе он ощутил странное, невозможное, обжигающее умиротворение.

— Я оставляю тебе самое дорогое, — сказал он неизвестно кому. — Смотри на него. Пока можешь.

Он опустил кисть в стакан с мутной водой. Вода стала розовой — от его крови, сочащейся из-под ногтей.

Затем он сел на табурет. Сложил руки на коленях. И закрыл глаза.

Через несколько минут пришла волна. Она не была похожа на ядерный гриб. Никто не видел её со стороны. Она просто прошла сквозь город, как звук проходит сквозь стену. Сначала стало очень тихо. Потом воздух стал плотным, как стекло. А потом всё, что было живым, на один короткий миг почувствовало себя бессмертным.

И в этот миг картина на холсте ожила.

Город, нарисованный Андреем Ильичом, впитал в себя его страх, его любовь, его прощание. Вода на холсте потемнела и тронулась с места. Мост задрожал. Фонари вспыхнули мёртвым светом.

А маленькая тёмная фигурка на набережной повернула голову. Теперь она смотрела не на воду. Она смотрела прямо в комнату.

Двадцать пять лет спустя.

Станция «Технологический институт-2».

Уровень минус восемьдесят четыре метра.

Воздух пахнет хлоркой, машинным маслом и сухим грибом.

Глава 1. Слухач

Станция «Технологический институт-2»
Уровень минус восемьдесят четыре метра
Двадцать пять лет после Катастрофы

Тишина здесь была не пустой. Она была полой, как внутренность барабана: казалось, тронь её — и она отзовется гулом.

Егор лежал на спине и смотрел в потолок. Точнее, в то, что раньше было потолком, а теперь стало слоистым пирогом из кабельных лотков, ржавых труб и наростов чёрной плесени. Плесень росла медленно, но неумолимо — за год она съедала сантиметр бетона. Говорили, что лет через пятьдесят она доберётся до арматуры, и тогда тоннели начнут рушиться сами собой.

Впрочем, до этого ещё нужно было дожить.

Он заставил себя сесть. Позвоночник хрустнул в трёх местах — сухо, как ломающиеся спички. Сон не принёс отдыха: он редко приносил его в последние годы. Сны приходили редко, а если приходили, то были серыми, как всё вокруг. Егор слышал от стариков, что когда-то люди видели цветные сны. Что им снились моря, леса, лица. Что можно было проснуться и ещё несколько минут помнить запах летней травы.

Он не помнил запаха травы. Он вообще не был уверен, что трава существует.

— Подъём, — раздался глухой голос из-за перегородки. — Смена через сорок минут. Если опоздаешь, Аким снова поставит на чистку отстойника.

Голос принадлежал Никите, соседу по жилому боксу. Егор не ответил. Он нашарил в темноте флягу, отвинтил крышку, сделал глоток. Вода была тёплой и отдавала железом — как всегда. Фильтры на станции давно дышали на ладан, но это была лучшая вода из доступной.

Потом он встал и начал одеваться.

Одежда слухача была его второй кожей: многослойная, латаная-перелатаная, с вшитыми в ткань кусками изоляции и старыми газетами, чтобы держать тепло. Сверху — прорезиненный плащ с капюшоном, который он снял с мёртвого сталкера три года назад. На поясе — нож в самодельных ножнах, фонарь с ручным приводом, патронташ с восемью патронами. И главное — наушники.

Они лежали на полке, как святыня. Большие, чёрные, с поролоновыми амбушюрами, истёртыми до дыр. Егор взял их бережно, двумя руками, и протёр влажной тряпкой. Наушники были его инструментом. Его способом слышать то, что не слышат другие.

Он вышел в коридор.

Станция жила своей привычной утренней жизнью. Вдоль стен горели редкие лампы, работавшие от ручных динамо-машин, которые крутили дежурные. Свет был тусклый, жёлто-

зелёный, как гной. Люди передвигались медленно, экономя силы. Никто не бежал, никто не кричал. Здесь вообще редко повышали голос — звук в тоннелях разносился далеко, а лишний шум мог привлечь внимание.

Егор миновал торговый ряд. Так называли шесть прилавков, сколоченных из фанеры и обломков эскалаторов. Торговали в основном хламом: консервы с истёкшим сроком, патроны, соль, спички, лекарства, тряпьё. Цены измерялись не деньгами — деньги давно стали бумагой для растопки. Ценой были патроны, еда, чистый воздух и услуги.

— Егор!

Он обернулся.

К нему спешила Матрёна — грузная женщина неопределённого возраста, с лицом, похожим на печёное яблоко. Она держала в руках свёрток из вощёной бумаги.

— Возьми, — она сунула ему свёрток. — Грибная лепёшка. Свежая. И передай своей, пусть ест. Ей нужны силы.

Егор молча кивнул, взял свёрток и сунул за пазуху. Матрёна не ждала благодарности — она была одной из тех, кто помнил, что такое человечность. Таких оставалось мало.

— Как она? — спросила Матрёна вполголоса.

— По-разному, — ответил Егор.

— Врач был?

— Вчера.

— И что?

— Ничего нового.

Матрёна поджала губы и перекрестилась — коротко, почти незаметно. Потом развернулась и пошла обратно к своему прилавку.

Егор смотрел ей вслед секунду, не больше. Потом поправил наушники на шее и зашагал к техническому тоннелю.

Пост слухача находился в ста пятидесяти метрах от жилой зоны, в нише, вырубленной в стене перегонного тоннеля. Туда вела узкая лестница, местами осыпавшаяся до состояния щебня. Егор поднимался медленно, ставя ноги на проверенные выступы. Здесь нельзя было спешить. Спешка убивала чаще, чем мутанты.

Ниша была маленькой — три шага в длину, два в ширину. В ней помещались колченогий табурет, столик из ящика и самодельный усилитель — хитроумное устройство, собранное из обломков радиостанции и кусков медного провода. От него тянулись тонкие шнуры к датчикам, закреплённым на стенах тоннеля.

Егор опустился на табурет, надел наушники и закрыл глаза.

Мир исчез.

Вместо него появился звук.

Тоннель говорил. Он всегда говорил, но услышать его мог не каждый. Вода капала где-то в ста метрах к северу — размеренно, с интервалом в четыре секунды. Вентиляционная шахта наверху едва слышно гудела — значит, давление в норме. Где-то очень далеко, может, в километре, скрипнула балка. Это было обычным делом: старые конструкции жили своей жизнью, оседали, трескались.

Егор слушал.

Он умел отсеивать лишнее. Дождь на поверхности? Нет, дождь звучал иначе — как рассыпанная дробь. Этот звук был глубже. Подземный ручей? Возможно. Или...

Вот.

Он уловил это. Слабый, едва различимый шорох. Будто кто-то провёл сухой ладонью по шершавому бетону. Раз. Два. Пауза. Снова раз.

Егор открыл глаза и быстро записал в потрёпанную тетрадь: «Сектор 4, отм. 120, движение, характер неясен, время 07:42».

Потом снова закрыл глаза и погрузился в слушание.

Прошло два часа.

За это время он зафиксировал: три прохода капель, один обвал (сектор 7, в старом депо), два неопознанных шума (вероятно, грызуны). Ничего серьёзного. Ничего, что требовало бы поднять тревогу.

Но что-то было не так.

Он чувствовал это не ушами — чем-то другим. Той самой звериной чуйкой, которая просыпалась в людях, проживших под землёй много лет. Воздух был слишком спокойным. Звуки слишком ровными. Так бывает перед грозой, когда птицы замолкают.

Егор снял наушники и прислушался к станции.

Люди разговаривали тихо, как всегда. Где-то плакал ребёнок — быстро затих, будто его укачали. Скрипнула дверь. Звякнул металл.

Нет, всё было как обычно.

Он тряхнул головой и снова надел наушники.

И вот тогда он услышал это.

Звук шёл не из тоннеля. Он шёл из-под земли. Из-под самых глубоких слоёв, куда не спускался ни один человек. Это был не шорох, не скрип, не гул. Это был голос. Тихий, монотонный, как бормотание во сне. Слов разобрать было нельзя, но интонация была безошибочной: кто-то пел.

Егор замер.

Он слышал много странного за годы службы. Однажды ему довелось услышать, как стонет бетон, когда его медленно раздавливает породой. Однажды — как дышит стадо мутантов, спящих в заброшенном тоннеле. Но такого — никогда.

Пение продолжалось.

Оно не усиливалось и не затихало. Оно просто было. Будто сам камень, сама земля, сам город пел на неизвестном языке.

Егор потянулся к ручке усилителя, чтобы прибавить громкость. И в этот момент пение оборвалось.

Наступила тишина. Абсолютная. Даже капли перестали падать.

Он просидел так, не дыша, целую минуту.

Потом тишина лопнула, как натянутая струна. Пение вернулось — но теперь оно было ближе. И в нём появился ритм. Ударный, как шаги.

Тум. Тум. Тум.

Егор сорвал наушники и вскочил. Сердце колотилось где-то в горле. Он выглянул из ниши, вглядываясь в темноту тоннеля.

Там никого не было. Но пол под ногами едва заметно дрожал.

Тум. Тум. Тум.

— Твою мать, — прошептал он.

Звук шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. Он проникал не через уши, а прямо в кости, в зубы, в череп.

И вдруг всё стихло.

Егор постоял ещё несколько секунд, глядя в темноту. Потом медленно, очень медленно вернулся в нишу, сел на табурет и дрожащими руками натянул наушники.

Тишина.

Обычная, знакомая тишина подземелья: капли, скрип, далёкий гул вентиляции.

Он выдохнул. Но легче не стало.

Он знал: если тоннель поёт, значит, что-то проснулось. Что-то, что не должно было просыпаться.

Смена закончилась в шесть вечера. Егор сдал пост сменщику, молчаливому старику по прозвищу Глухарь, и побрёл в сторону жилых отсеков. Мысли путались. Пение из-под земли не выходило из головы, но рассказывать о нём он не собирался. За такие вещи можно было получить пулю: слухачи должны докладывать только о том, что могут объяснить. А необъяснимое — это страх. Страх — это паника. Паника — это смерть.

Он шёл по центральному залу станции, мимо колонн, обмотанных кабелями и тряпками. На колоннах висели самодельные светильники — банки с горящим жиром и фитилями. Свет от них был неровный, оранжевый, дёрганный. Лица людей в этом свете казались мёртвыми.

— Егор!

Он обернулся.

К нему шёл Аким — начальник смены, приземистый мужик с крысиным лицом и вечно прищуренными глазами. Аким был из тех, кто выжил не потому, что был сильным или умным, а потому, что умел вовремя подставить другого. На станции его не любили, но терпели: он знал тоннели лучше многих.

— Чего тебе? — спросил Егор.

— Ты завтра идёшь наверх, — сказал Аким, останавливаясь в двух шагах.

Егор прищурился.

— С чего бы?

— Приказ Совета. Нужны антибиотики. У Мельника в лазарете кончились. В том районе, у канала, есть аптека. Говорят, не разграблена.

— Говорят, — повторил Егор. — Кто говорит?

— Да какая разница? Картограф разведал. Сказал, чисто.

— Картограф в прошлый раз тоже сказал «чисто». А вернулись двое из пяти.

Аким пожал плечами, и это пожатие было омерзительным в своей безразличности.

— Твоё дело маленькое. Пойдёшь с группой. Шесть человек. Выход в пять утра. Если откажешься — снимут с поста. Сам знаешь, что это значит.

Егор знал. Снятого с поста отправляли в самые грязные работы: чистить выгребные ямы, разбирать завалы, кормить свиней. Или ещё хуже — отправляли «на разведку» в дальние тоннели, откуда не возвращались.

— Ладно, — сказал он. — Пойду.

Аким кивнул и уже собирался уходить, но на мгновение задержался.

— Как сестра? — спросил он, не оборачиваясь.

Егор не ответил.

Аким усмехнулся — тихо, гадко — и растворился в полумраке.

Егор жил в боксе номер семнадцать — маленькой комнатке, переделанной из старой служебной подсобки. Стены были завешаны старыми одеялами, чтобы хоть немного держать тепло. На полу лежал матрас, набитый сушёными водорослями. На кривой полке — пара книг, которые Егор не читал, но берёг: бумага была ценнее патронов.

Сестра сидела на матрасе, поджав под себя ноги, и перебирала старые пуговицы. Их было много — разноцветных, облупившихся, с латунными ушками. Она раскладывала их по цветам: серые к серым, чёрные к чёрным.

— Привет, — сказал Егор, закрывая за собой дверь.

Лера подняла голову. Ей было тринадцать. Худенькая, с острыми ключицами и огромными глазами, которые казались ещё больше от бледности. На левой руке, от запястья до локтя, кожа была нездорового серого оттенка — будто присыпана цементной пылью.

Каменная болезнь.

Она появилась у Леры два года назад. Сначала — маленькое пятнышко на ладони. Потом пятно стало расти, кожа затвердела, потеряла чувствительность. Врач со станции, седой и вечно усталый Мельник, сказал, что это мутация. Что она не заразна. Что лекарства нет. Что со временем окаменение распространится по всему телу.

Сколько времени у неё оставалось, Мельник не сказал. Но Егор видел, как пятно росло. Видел, как сестра перестала играть с другими детьми, как перестала выходить из бокса.

— Привет, — тихо ответила Лера.

— Матрёна передала лепёшку. Свежая.

— Не хочу.

— Надо.

Он сел рядом, развернул вощёную бумагу. Лепёшка была тёплой, пахла грибами и чем-то пряным. Егор отломил кусок и протянул сестре. Она покачала головой.

— Лер, — сказал он мягко. — Ешь.

Она посмотрела на него. В её глазах было то, чего Егор боялся больше всего: смирение. Не детская капризность, не грусть, а спокойное, взрослое принятие.

— Зачем? — спросила она.

— Чтобы жить.

— Зачем?

Он не нашёл ответа.

Лера снова опустила глаза к пуговицам. Её пальцы — тонкие, почти прозрачные — перебирали их медленно, как чётки.

— Я сегодня слышала пение, — сказала она вдруг.

Егор замер.

— Что?

— Пение. Из-под пола. Оно было красивое. Как мамина колыбельная. Ты не слышал?

Он не знал, что ответить. Колыбельная. Он не помнил маминой колыбельной. Он вообще почти не помнил матери. Только тепло. И запах чего-то сладкого.

— Тебе показалось, — сказал он.

— Нет, — Лера покачала головой. — Оно было настоящее. Оно звало меня.

Егор почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Звало? Куда?

— Вниз. Говорило, что там тепло. И что там не больно.

Он резко встал. Внутри всё сжалось в тугий узел.

— Не смей, — сказал он громче, чем собирался. — Слышишь? Не смей его слушать. Это... это мутанты. Они заманивают. Понимаешь?

Лера посмотрела на него снизу вверх. Её лицо было спокойным, как вода в подземном озере.

— Хорошо, — сказала она.

И это «хорошо» прозвучало как ложь.

Егор вышел из бокса и прислонился к холодной стене коридора. Сердце стучало где-то в висках. Он закрыл глаза и снова услышал пение — то самое, из тоннеля.

Теперь оно звучало иначе.

Теперь оно звучало внутри него.

Глава 2. Верхний мир

Переход из метро на поверхность
Канал Грибоедова, разрушенная часть
Время: раннее утро

Сбор был назначен у восточного шлюза, там, где эскалаторные ленты мёртво застыли под углом в тридцать градусов. Когда-то они везли людей наверх, к солнцу и дождю. Теперь по ним поднимались только сталкеры и смертники.

Егор пришёл за десять минут до выхода. Он любил приходить раньше — так было спокойнее. Можно было осмотреться, послушать, кто чем дышит, заметить мелочи, которые потом могли спасти жизнь.

Шлюз представлял собой узкий коридор, перекрытый двумя рядами металлических дверей. Первая дверь вела из жилой зоны станции. Вторая — в подземный переход, откуда шли лестницы на улицу. Между ними — камера дезинфекции, в которой на деле никакой дезинфекции не было: просто люди стояли по десять минут, обливаясь холодным паром из самодельных распылителей. Считалось, что это смывает споры. Никто в это не верил, но ритуал соблюдали.

Когда Егор вошёл, в камере уже горел тусклый свет. У стены, опершись на автомат Калашникова с самодельным глушителем, стояла девушка.

Он видел её раньше — мельком, на собраниях сталкеров или в столовой. Но никогда не разговаривал.

Она была выше его на полголовы. Худощавая, но не тонкая — в ней чувствовалась жилистая сила человека, который привык таскать на себе груз и выбираться из передрыг. Волосы — тёмные, коротко стриженные, почти как у мужчины, но это не портило её, а наоборот — делало лицо резким, запоминающимся. Скулы острые. Губы сухие, потрескавшиеся. В левом ухе — кусок медной проволоки вместо серьги.

Она первая нарушила тишину:

— Ты, что ли, слухач?

— А ты, что ли, наша проводница? — ответил Егор.

— Я — Алиса. Пойдём по каналу, затем дворами к аптеке на Садовой. Если повезёт, вернёмся к полудню.

— А если не повезёт?

— Тогда вернёмся быстрее.

Она говорила спокойно, почти лениво, но в её взгляде было что-то звериное: она постоянно сканировала пространство, отмечая двери, углы, тени. Егор машинально отметил это и одобрил.

Вскоре подтянулись остальные.

Первым пришёл здоровяк по прозвищу Боча — бывший шахтёр, а ныне грубая сила группы. Его левое ухо было наполовину оторвано, но он этим, кажется, гордился. За ним — Тоха, молодой парень лет девятнадцати, с вечно испуганными глазами и молитвенником за пазухой. Он молился перед каждым выходом, но, по слухам, это не мешало ему стрелять без промаха. Четвёртым был Дед — старик с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба. Он знал город лучше всех: ходил по поверхности ещё до того, как она стала смертельной. Пятый — Фарт, невысокий суетливый мужик с бегающими глазами. Его взяли за знание аптек в этом районе: он был фармацевтом в прошлой жизни.

Шестым был Егор.

Алиса оглядела группу, задержала взгляд на Фарте — на секунду дольше, чем на остальных.

— Значит так, — сказала она негромко. — Идём быстро. Не курим, не орём, свет включаем только в крайнем случае. Если увидите «бесцветных» — не стрелять, пока я не скажу. Их привлекает резкий звук. Если увидите что-то... странное — сразу говорите. Лучше перебдеть.

— Это что значит «странное»? — спросил Тоха, нервно сжимая ремень автомата.

— Узнаешь, когда увидишь, — отрезала Алиса. — Всё, пошли.

Двери открылись с шипением. Пахнуло сыростью и чем-то кислым — так пахнет гниющая органика, смешанная с известью. Егор натянул на нос шарф, пропитанный раствором соли и трав: считалось, что это немного фильтрует воздух. Помогало слабо, но лучше, чем ничего.

Они поднимались по лестнице в полной темноте. Фонари были запрещены до выхода на поверхность. Каждый шёл, держась за верёвку, протянутую вдоль стены. Ступени были скользкими от конденсата. Где-то наверху капало.

Через пять минут они вышли в подземный переход.

Здесь уже пахло иначе. В воздухе появилась та самая сладковатая гниль, которую старики называли «духом мёртвого города». К ней примешивался запах пыли, старого бетона и ещё чего-то, чему Егор не знал названия. Может, так пахло само небо.

Лестница вверх была завалена обломками. Пришлось карабкаться по кускам арматуры и битого стекла. Алиса шла первой, ловко перебираясь через завалы. Егор невольно следил за её движениями — экономными, точными, без единого лишнего жеста. Так двигаются звери. Или те, кто слишком долго жил среди зверей.

Улица встретила их тишиной.

Егор выбирался на поверхность десятки раз. Но каждый раз это было как первый.

Серый свет. Он шёл не от солнца — солнца не было видно за плотным слоем туч, — а от самого воздуха. Казалось, что небо светится изнутри, как гнилая рыба. Этот свет не давал теней. Всё вокруг выглядело плоским, ненастоящим, как декорация.

Дома стояли мёртвые, с чёрными провалами окон. Асфальт растрескался, и сквозь трещины пробивались тонкие белые стебли — не то грибы, не то какая-то подземная поросль. Они покачивались без ветра, и это было самое жуткое.

— Не смотреть на них долго, — тихо сказала Алиса, заметив взгляд Егора. — От них глаза начинают слезиться, а потом галлюцинации.

— Это что?

— Грибница. Или растение. Никто не знает. Оно растёт из-под земли там, где много мёртвых.

Егор отвёл взгляд.

Группа двинулась вдоль стены, стараясь держаться подальше от середины улицы. Дома стояли плотно, как зубы в челюсти мёртвого великана. Где-то впереди, за пеленой серого тумана, угадывались очертания канала.

Пахло холодом и старой гарью.

Они прошли метров сто, когда Алиса подняла руку.

Все замерли.

— Тише, — прошептала она.

Егор прислушался. Сначала ничего. Потом — звук. Шаркающие шаги. Много шагов. И странное, едва слышное бормотание, похожее на молитву, которую читают без слов.

«Бесцветные».

Алиса махнула рукой влево — туда, где виднелся пролом в стене бывшего магазина. Группа нырнула внутрь. Егор присел за перевёрнутым прилавком, стараясь не дышать. Рядом с ним оказался Тоха. Он дрожал, как осиновый лист, и беззвучно шевелил губами. Егор положил руку ему на плечо — просто чтобы парень не вскочил от страха.

Из-за угла показались они.

Их было не меньше двадцати. Они шли медленно, шатаясь, как пьяные. Одежда висела лохмотьями, открывая серую, будто присыпанную пеплом кожу. Глаза были открыты, но пусты — как окна домов. Некоторые держали в руках предметы: у кого-то сломанный зонт, у кого-то детская кукла, у кого-то — просто камень.

Они не были агрессивны. Они просто шли. И это было страшнее любой атаки: в их движениях не было ничего человеческого, но и звериного тоже. Будто кто-то вёл их на невидимой нити.

Один из них остановился прямо напротив пролома.

Егор замер. Алиса рядом с ним напряглась, как струна.

«Бесцветный» стоял и смотрел внутрь магазина. Его лицо было абсолютно пустым. Губы шевелились, произнося одно и то же слово. Егор напряг слух.

— ...пе-пел... пе-пел...

Он не знал, что это значит. Но слово показалось ему знакомым. Словно из детского сна.

«Бесцветный» постоял ещё несколько секунд и медленно пошёл дальше. Остальные последовали за ним.

Когда шаги стихли, Алиса выдохнула:

— Чисто.

— Что он говорил? — спросил Тоха дрожащим голосом.

— Не важно, — отрезала Алиса.

Но Егор видел, как она нахмурилась.

Они вышли к каналу через полчаса.

Вода была чёрной и густой, как мазут. Она почти не двигалась — только изредка по поверхности пробегала лёгкая рябь, будто кто-то большой дышал под водой. Набережная частично обрушилась в канал, образуя каменные осыпи. Через воду тянулся мост — покосившийся, но, кажется, ещё державшийся.

Алиса остановилась у парапета и долго смотрела на воду.

— Дальше пойдём по тому берегу, — сказала она. — Там есть проход через дворы.

— А что с мостом? — спросил Боча. — Надёжный?

— Никогда не знаешь.

Они двинулись по мосту по одному, держа дистанцию. Под ногами то и дело что-то хрустело: то ли щебень, то ли чьи-то кости. Егор старался не смотреть вниз, в чёрную воду. Он знал, что в каналах живут твари. Огромные, слепые, с кожей, похожей на резину. Они выходили на сушу редко, но когда выходили — не оставляли свидетелей.

На том берегу начинались дворы-колодцы, как их называли старожилы. Узкие проходы между домами, заваленные мусором и поломанной мебелью. Здесь было темно даже днём. Группа включила фонари.

И тут Егор заметил нечто странное.

На стене одного из домов висела картина.

Она была огромной — метра три в ширину, в тяжёлой резной раме. Краски потускнели, но изображение было видно отчётливо: мост через канал, фонари, отражения в воде. И маленькая тёмная фигурка на набережной.

Егор остановился.

— Эй, — позвала Алиса. — Ты чего?

— Смотри, — он кивнул на картину.

Она подошла ближе, вгляделась. Потом побледнела.

— Это ещё что за хрень?..

На картине был нарисован этот самый двор. Этот самый канал. И этот самый мост, по которому они только что прошли.

А маленькая фигурка на набережной теперь стояла не одна. Их было шесть.

— Не смотри на неё, — резко сказала Алиса. — Отвернись!

Но Егор уже не мог оторвать взгляда.

Картина дышала. Краски едва заметно дрожали, как вода. А фигурки на ней — шесть фигурок — повернули головы.

Их лица были пустыми.

Как у «бесцветных».

Глава 3. Эхо

Дворы-колодцы у канала Грибоедова

Время: позднее утро

— Отвернись! — голос Алисы резанул по ушам, как выстрел.

Но Егор не мог.

Картина держала его. Не взглядом — чем-то глубже, будто невидимые пальцы проникли сквозь глазницы и сомкнулись на затылке. Краски на холсте медленно текли, как подтаявший воск. Шесть фигурок на набережной стояли неподвижно, но их головы были повернуты к нему. Лица пустые, серые, как у тех, что прошли мимо магазина.

Он слышал, как где-то далеко — очень далеко — Алиса зовёт его по имени. Но звук доходил, как через толщу воды.

Воздух вокруг стал густым. В нём появился запах: краска, лак, пыль, старый холст. И ещё что-то сладковатое, приторное, как жжёный сахар.

— Егор!

Его тряхнули за плечо. Сильно. Потом ещё раз.

Он моргнул.

Мир вернулся резко, как удар в лицо. Алиса стояла перед ним, вцепившись в его плащ обеими руками. Её лицо было бледным, а зрачки — огромными, как у загнанного зверя.

— Не смотри на неё, дурак! — прошипела она. — Она тебя жрёт!

Егор перевёл дыхание. Голова кружилась. В висках стучало, будто он не спал трое суток. Он хотел что-то сказать, но язык казался чужим, тяжёлым, как мокрый мешок.

— Что это было? — выдавил он наконец.

— Эхо-вирус, — бросила Алиса. — Артефакт. Ловушка. Называй как хочешь. Оно ловит тех, кто слишком долго смотрит.

Остальные стояли поодаль, сбившись в кучку. Тоха крестился, не переставая. Боча держал автомат наизготовку, хотя стрелять было не в кого. Дед хмуро смотрел на картину, но при этом щурился, будто смотрел на солнце.

— Я таких штук за свою жизнь повидал, — сказал он негромко. — Это, видать, из ранних. Ещё с первой волны. Такие опаснее всего. Они не просто сводят с ума. Они... запоминают.

— Что запоминают? — спросил Фарт, нервно озираясь.

— Тебя.

В наступившей тишине стало слышно, как где-то наверху, на крыше, скрипнул флюгер. Или не флюгер.

— Уходим, — скомандовала Алиса. — Быстро.

Она взяла Егора за руку — жёстко, без сантиментов — и потащила за собой. Он машинально подчинился. Ноги слушались плохо, но он заставлял себя идти.

Они прошли под аркой, свернули в узкий проход между домами, затем ещё раз и ещё. Егор не запоминал дорогу — всё слилось в сплошную серую ленту. Он слышал только собственное дыхание и шаги. Свои и её. Остальные отстали на несколько метров.

Наконец Алиса остановилась у железной двери, вросшей в стену. Она откинула ржавый засов, и дверь со стоном приоткрылась.

— Внутрь, — бросила она.

Егор переступил порог первым. За ним — остальные. Дверь закрылась с глухим стуком, отрезав серый свет.

Они оказались в каком-то подвале. Здесь было сухо и темно, пахло старой извёсткой и мышиным помётом. Алиса включила фонарь, осмотрела помещение. Стены были выложены красным кирпичом. Вдоль них тянулись полки с пустыми банками. В углу лежала груда тряпья, похожая на старое гнездо.

— Здесь переждём, — сказала она. — Нам всем нужно отойти.

— Что это было? — снова спросил Тоха. Его голос дрожал. — Что с ним случилось?

— Ничего, — ответил Егор, хотя сам не был в этом уверен.

Он прислонился к стене и закрыл глаза. Внутри всё ещё звучало эхо того взгляда. Он чувствовал, как мозг прокручивает увиденное, будто заевшая пластинка. Шесть фигурок. Пустые лица. Мост.

— Это был наш мост, — сказал он тихо.

— Что? — Алиса повернулась к нему.

— На картине. Тот же мост, по которому мы прошли. И двор. И канал. Но...

— Но что?

— Но я не мог видеть этот двор с того ракурса. Только если бы стоял на третьем этаже. А там не было окон.

Алиса долго смотрела на него. Потом села на пол, скрестив ноги, и опустила автомат на колени.

— Ты когда-нибудь слышал о Хранителях Эха? — спросила она.

Егор отрицательно покачал головой.

— Это секта, — продолжала Алиса. — Они верят, что искусство — это не просто предметы. Что после Катастрофы некоторые вещи впитали в себя души людей. Их страхи, их смерть, их последние мысли. И теперь эти вещи... живые. Они говорят с теми, кто умеет слушать.

— Это бред, — буркнул Боча.

— Возможно, — согласилась Алиса. — Но ты видел, что было. Картина знала, где мы. И она нарисовала нас.

— Она не рисовала, — сказал Дед, который до этого молчал. — Это отражение. Эхо. Оно показывает то, что уже случилось. Или то, что случится.

— И то, что случится с нами? — уточнил Фарт.

— Может быть.

Тишина стала тяжёлой, как мокрое одеяло.

Егор посмотрел на Алису. В полумраке её лицо казалось вырезанным из камня. Она смотрела в одну точку на полу, но явно видела что-то другое. Что-то, о чём не рассказывала.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил он.

— Живу долго, — ответила она, не поднимая глаз.

— Ты была с ними? С Хранителями?

Она резко вскинула голову. В её взгляде промелькнуло что-то тёмное, опасное.

— Не лезь, — отрезала она.

— Я не лезу. Просто...

— Просто что?

Он замолчал. Слова вдруг показались лишними. Он и сам не знал, зачем спросил. Может, потому что хотел понять, почему она смотрит на мир так, будто всё уже видела. Будто всё уже пережила.

— Ладно, — сказала Алиса и поднялась. — Пора.

Они выдвинулись через четверть часа.

Дальше пошли дворами, стараясь держаться подальше от стен с картинами и рекламных щитов, на которых ещё сохранились выцветшие лица людей. Алиса объяснила, что любой предмет с изображением может быть заражён. Не обязательно картина — иногда старая афиша, экран телевизора или даже зеркало. Поэтому на станции почти не осталось зеркал: их разбили в первые годы.

— А книги? — спросил Тоха.

— Книги — хуже всего, — ответил Дед. — Они не показывают картинки. Они влезают в голову словами. Человек начинает думать чужие мысли. А потом перестаёт быть собой.

Егор вспомнил две книги на своей полке. Он так и не решился их открыть. Теперь он был рад этому.

Через час они вышли к Садовой. Здесь было просторнее: широкая улица, по обе стороны — мёртвые магазины с выбитыми витринами. Где-то впереди, за пеленой тумана, вырисовывался остов автобуса, вросшего в асфальт.

— Аптека за углом, — сказал Фарт, показывая рукой на трёхэтажное здание с обвалившимся балконом. — Там, за баррикадой.

Баррикада была старой, ещё с первых дней. Машины, мешки с песком, куски металла. Всё это проржавело и осело, но всё ещё создавало узкий проход.

Они двинулись вперёд, прижимаясь к стенам.

Егор шёл последним. Он не переставал прислушиваться — и к улице, и к себе. Внутри было тихо, но эта тишина не нравилась ему. Она была слишком гладкой, как лёд на тонком канале.

Аптека оказалась на первом этаже. Витрина зияла пустотой — стёкла лежали на тротуаре, покрытые слоем серой пыли. Внутри было темно.

Алиса включила фонарь и вошла первой.

Пахло химией и плесенью. Стеллажи были перевёрнуты, но не все разграблены. Видимо, сюда действительно редко заглядывали: место было глухое, окружённое завалами.

— Работаем быстро, — скомандовала Алиса. — Берём антибиотики, обезболивающее, бинты. Всё, что можно унести. Десять минут.

Группа рассредоточилась. Егор двинулся к дальнему стеллажу, светя под ноги. На полу валялись пустые блистеры, тубики, осколки. Под ногами хрустело.

Он наклонился к нижней полке и начал сгребать упаковки. Названия ничего ему не говорили. Он брал всё подряд, что выглядело целым.

И тут он услышал.

Шёпот.

Он шёл откуда-то справа, из глубины подсобки. Тихий, монотонный, как радиопомехи. Егор замер. Шёпот не прекращался. Он то затихал, то усиливался, но слов разобрать было нельзя.

— Слышишь? — тихо спросил он у Тохи, который оказался рядом.

Тоха прислушался. Его лицо побледнело.

— Н-нет...

— Шёпот. Из подсобки.

Тоха сделал шаг назад, вскидывая автомат.

— Не стреляй, — прошептал Егор. — Это может быть...

Он не договорил.

Из подсобки вышел человек.

Это был мужчина, лет пятидесяти на вид. В белом халате, пожелтевшем от времени, с бейджиком на груди. Лицо его было серым, но не как у «бесцветных» — другим. На нём была улыбка. Широкая, во всё лицо, как у куклы.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос был мягким, вкрадчивым. — Вы пришли за лекарствами? Это хорошо. Всем нужны лекарства.

Алиса вскинула автомат.

— Стоять!

Мужчина не остановился. Он шёл медленно, покачиваясь, как маятник.

— У меня есть то, что вам нужно, — продолжал он. — От всех болезней. От боли. От страха. От памяти.

— Одержимый, — процедила Алиса. — Не стрелять, если не подойдёт ближе.

Но мужчина уже подходил.

— Вы устали, — говорил он, и его голос обволакивал, как тёплая вода. — Я вижу. Особенно ты, — он посмотрел на Егора. — Ты несёшь на себе слишком много. Она умирает, да? Твоя сестра. Ты боишься. Но можно не бояться. Можно просто отпустить.

Егор почувствовал, как внутри что-то слабеет. Не страх — наоборот. Усталость. Та, что копилась годами. Ему вдруг захотелось сесть на пол и закрыть глаза. Просто отпустить.

— Не слушай его! — крикнула Алиса.

Но её голос звучал откуда-то издалека.

Мужчина протянул руку. В ней что-то блеснуло.

— Вот. Прими. И всё пройдёт.

Егор смотрел на руку. В ней был шприц, наполненный мутной жидкостью. Игла блестела в свете фонаря.

— Ты же хочешь, чтобы она жила, — шептал мужчина. — А хочешь, чтобы она перестала бояться. Это одно и то же. Прими. Или отдай ей. Это твой выбор.

Где-то сбоку прогремел выстрел.

Мужчина вздрогнул, но не упал. Он повернул голову к стрелявшему — это был Боча — и улыбнулся ещё шире.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Я не враг. Я — лекарство.

— Стреляйте! — заорал Дед.

Грохнуло несколько выстрелов. Мужчина покачнулся, но продолжал идти. Пули входили в него, не оставляя крови. Только серую пыль.

Алиса выхватила нож и бросилась вперёд. Егор успел увидеть, как она всадила лезвие ему в шею — туда, где у человека должна быть сонная артерия.

Мужчина замер. Улыбка медленно сползла с его лица, как сползает маска. Он посмотрел на Алису с удивлением, почти с нежностью.

— Вы... ещё не готовы, — прошептал он.

И рухнул.

Наступила тишина.

Егор стоял, тяжело дыша. В ушах звенело. Во рту был вкус меди.

— Это что за хрень была? — выдохнул Боча, опуская автомат.

— Не знаю, — ответила Алиса, вытирая нож о полу плаща. — Но он был не один такой. Говорят, в центре их целые гнёзда.

— Он говорил про мою сестру, — сказал Егор.

— Они всегда так делают. Лезть в голову — их способ. Не слушай.

— Но откуда он знал?

Алиса посмотрела на него долгим взглядом.

— Потому что ты сам ему сказал. Ты слишком много носишь в себе. А они это чувствуют.

Она отвернулась и пошла к выходу.

— Уходим. Здесь больше не безопасно.

Они вернулись на станцию к вечеру.

Все шестеро, вопреки ожиданиям. Грязные, вымотанные, молчаливые. Антибиотики доставили. Мельник принял их без слов, кивнул и ушёл в лазарет.

Егор долго сидел в общем коридоре, не решаясь идти в бокс. Он знал, что Лера ждёт. Но он не мог заставить себя встать. Перед глазами всё ещё стояло лицо человека в белом халате. Его голос. Его шприц.

Рядом бесшумно появилась Алиса.

— Держи.

Она протянула ему флягу. Егор взял, сделал глоток. Вода была с примесью спирта — обожгла горло, но стало легче.

— Ты хорошо сработал, — сказала она.

— Я чуть не сломался.

— Но не сломался. Это главное.

Они сидели рядом, плечом к плечу, не глядя друг на друга. В коридоре было тихо. Только где-то далеко, в недрах станции, гудел генератор.

— Зачем ты пошла с нами? — спросил Егор.

— Так надо.

— Не ответ.

— А тебе зачем?

— Приказ.

Она усмехнулась — коротко, беззлобно.

— Значит, мы оба тут не по своей воле.

Егор повернул голову и посмотрел на неё. В тусклом свете лицо Алисы казалось усталым, но не сломленным. Она сидела, прикрыв глаза, и дышала медленно, глубоко. Он вдруг заметил, как бьётся жилка у неё на виске. Как напряжены плечи. Как крепко она сжимает флягу.

— Ты боишься? — спросил он.

Она открыла глаза.

— Все бояться. Вопрос в том, что мы делаем с этим страхом.

— И что делаешь ты?

— Не сплю по ночам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.